

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА

Бахромова Дилсуз Надиржановна
Абдураззокова Гулбахор Носиржон кизи
Хамидова Мохинур Бахтиёржон кизи
Абдумажидова Райхона Якинжон кизи

Студетки Кокандского государственного педагогического института

Аннотация В статье представлены некоторые вопросы лексико-семантического поля «семья» в узбекской языковой картине мира.

Ключевые слова: семья, поле, сегментированность, специфика, развитие общения, межличностные отношения, языковая картина, просторечие.

В организации системы и в функционировании антропонимов узбекского и каракалпакского языков важнейшую роль играет концепт «семья». Этот концепт «является одним из наиболее значимых в концептосфере любой лингвокультуры. Он имеет сложную семантико-фреймовую структуру: ядро концепта отражает его общечеловеческую универсальность как одну из форм социальной общности людей; объемная интерпретационная часть соотносится с индивидуальными особенностями восприятия и национальной картиной мира» [Бондаренко:5]. По наблюдениям Е. В. Бондаренко, семья трактуется как лингвокультурный концепт высшего уровня, который имеет особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов. «В известных нам работах, посвященных анализу данного концепта в разных лингвокультурах, отмечаются его сегментированность и многоуровневость, многочисленные варианты языковой репрезентации фреймов, высокая плотность соответствующего семантического поля, активность вербализующей его лексики <...> Согласно этим исследованиям, ключевыми составляющими концепта «семья» являются а) ролевая ценностность семьи как таковой, которая раскрывает содержание и определяет виды отношений родства; б) отношения между супругами; в) отношения между родителями и детьми» [Бондаренко:8]. Особую социальную значимость институт семьи и, соответственно, данный концепт имеют среди тюркоязычных народов в связи с большей, чем у европейских народов, ролью семьи для всех поколений, сохранением в той или иной мере тенденции к многодетности, ролью религии (для большинства тюркоязычных народов — ислама) во всей организации семейной (и частично общественной) жизни. Семья обычно рассматривается как крупное объединение всех родственников, а не только круг родителей с детьми (иногда с бабушками и дедушками и другими близкими кровными или некровными родственниками). Реализация концепта «семья» осуществляется в рамках социальных полей как неотъемлемого компонента языковой картины мира. Социальное поле (далее СП) семьи включает не только членов семьи,

ближайших родственников, но также и близких друзей, если общение происходит на уровне семьи. «Даже немногочисленная городская семья представляет собой сложную социальную структуру с точки зрения именованности индивидов по линиям «именование младшего поколения старшим», «старшего поколения младшим», «именование внутри одного поколения»; могут сильно варьироваться приемы именованности внутри старшего и младшего поколения. В пределах разных СП антропонимы часто используются в сочетании с другими средствами номинации лиц, уточняющими возраст, социальный статус, какие-либо отличительные признаки лица, что повышает уровень номинативной ценности имени лица» [Жураева:12]. Специфика СП семьи в узбекском и каракалпакском языках отчетливо выявляется на фоне СП английского и русского полей: «В английском, узбекском и русском языках сложились разные структуры СП семьи и СП администрации: в английском языке СП администрации «вдвигается» в СП семьи, чем предопределяется наличие ряда официальных формул общения; в узбекском языке, напротив, СП семьи «вдвигается» в административное СП, в результате чего преобладает «семейный» тип общения в учреждениях, организациях и т. д. В русском языке СП семьи и административное СП максимально разграничены по сравнению с узбекским и английским языками» [Жураева:66]. Особую роль в реализации специфики концепта «семья» в менталитете носителей узбекского и каракалпакского языков играют сигналы антропонимов. В узбекском и каракалпакском языках это прежде всего термины родства (ака, ука, ота, хола, синглим, кенаи и др.; в каракалпакском языке: ага, ажага, кише, женге, апа, жезде,); именно их употребление во многом обеспечивает «семейный» тип отношений в административном СП. В функциональном плане, особенно по отношению к СП семьи, с именами собственными сближаются обозначения родственных отношений, или термины родства, а также обозначения лиц по возрасту. В пределах семьи функционально уравниваются номинации по уменьшительным именам и апелляциям — терминам родства. В. А. Никонов фактически подчеркивает приоритет личного имени у узбеков в рамках социального поля семьи: «В сфере официально-делового общения фамилия теперь получила бесспорное преобладание над индивидуальным именем, но в семейно-бытовом общении этот процесс еще далек от завершения даже в городах». Очевидно, «завершения» этого процесса у узбеков и каракалпаков не наступит, т. е. в рамках социального поля семьи фамилия не будет играть роль такого активного функционального элемента общения, как, например, у англичан и американцев. Как и в других языках, можно выделить следующие линии общения между родственниками: 1) родители — дети, 2) дети — родители, 3) члены одного поколения, 4) супруги, 5) представители более отдаленных степеней родства. Каждая из выделенных линий представляет собой особую систему номинаций, ядром которой являются собственные имена и термины родства. Термины родства узбекского и каракалпакского языков более активно, чем в английском и русском языках, участвуют в установлении разветвленной системы отношений в СП семьи (отношения между членами одного поколения, отношения старших к младшим,

отношения младших к старшим, отношения между мужем и женой и т. д.). М. И. Расулова приводит многочисленные факты, свидетельствующие о несимметричности и неэквивалентности именования мужчин и женщин в современном обществе: «...к женщинам гораздо чаще, чем к мужчинам, обращаются просто по имени. Разница, как правило, заключается в том, что в таких случаях подчеркивается не равноправие, а нечто прямо противоположное: подчеркнутая иерархия и снисходительность». Таким образом, концепт «семья» в сознании носителей этих языков выходит за рамки собственно семейных отношений и распространяется на административное социальное поле.

СПИСОК ЛИТУРАТУРЫ:

1. Бондаренко Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения.: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. –Волгоград, 2010. — 22 с.
2. Жураева И. А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования. — Ташкент: НУУз, 2012. — 80 с.
3. Никонов В. А. Узбеки // Системы личных имен у народов мира. –М.: Наука, 1989.– С.312–315.
4. Расулова М. И. О гендерном аспекте актов наименования // Хорижий филология. — № 3. — Тошкент, 2011. — С. 81–86.